

ВОСПОМИНАНИЯ ВЗРОСЛОГО АРТЕКОВЦА
(написано в мае 2008 г. по просьбе редакции журнала "Артек")

Я отдыхал в Пионерском лагере "Артек" в 1949 году. Это было почти 60 лет тому назад. Мне тогда было 13 лет, и я только окончил 6-ой класс.

В то время основная масса артековцев была направлена туда по бесплатным путевкам, как пионерские активисты, но была и небольшая часть ребят, родители которых приобрели путевки за собственные деньги. Сейчас, рассматривая сохранившуюся у меня "Путевку в лагерь", заметил небольшой штампик "1800 р.". Боюсь назвать точный эквивалент, но в то время это была весьма значительная сумма. Оплатить ее мои родители оказались в состоянии, так как незадолго до этого, мой отец, преподаватель вуза, получил гонорар за написанный им учебник. (В лагере на соседней койке спал мальчик, отец которого только что получил Сталинскую премию).

В лагере я был весною и в начале лета с 20 мая по 30 июня. Поэтому не мог сдавать экзамены, которые школьники, начиная с 4-го класса, сдавали ежегодно. Так как на путевке было написано, что Артек это санаторный лагерь, то меня перевели в следующий класс без экзаменов "по состоянию здоровья". А предстояло сдавать кроме других предметов экзамен по ботанике (про тычинки и пестики), чего мы все страшно боялись.

Перед отъездом (или при покупке путевки) родители ознакомились с правилами, согласно которым надо было мальчикам постричь голову "под машинку", то есть на лысо, а с собой взять только обувь, носки и платки, а белье и верхнюю одежду брать было не надо. Когда поближе к возвращению домой, волосы у нас отрасли, то нас постригли и разрешили оставить челку, но сделали это так небрежно, что дома первым делом надо было бежать в парикмахерскую.

Жил я с родителями в Москве и ехал в Крым на поезде. Это была первая дальняя самостоятельная поездка. В Симферополе прямо из вагонов нас пересадили в автобус, напугав, что дорога предстоит горная, долгая и опасная. Чтобы не закладывало уши от перепада высот при спуске к морю, всем рекомендовали петь. Так в автобусе началась первая артековская спевка. Пели мы такую песню (не знаю, поют ли ее сейчас; привожу слова по памяти):

*Из Омска, из Орла,
Из пограничного села,
Со всех концов*

*Лесов, полей и рек
И паровоз гудит,
И самолет летит*

В Артек, в Артек.

По приезде в Артек, нас распределили по лагерям. Я попал в Нижний лагерь (теперь там, кажется, расположен лагерь Морской). Так как школы в это время были мужские и женские, то в Артеке были мужские и женские лагеря. На моей путевке,

на последней странице по диагонали большими красными буквами было написано "ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ". С девочками мы ни разу не встречались. (В других лагерях, где я бывал до этого, были мальчиговые и девчачие отряды). Соответственно Нижний лагерь был мужским. Нижним он назывался потому, что был расположен у подножья Аю-Дага, на самом берегу моря. Утренняя линейка проводилась на причале, выступающем в море, и если были волны, то их брызги попадали в нас, выстроившихся вдоль причала. Было очень романтично. Это был действительно дощатый причал, к которому приставали артековские катера. Был еще Верхний лагерь, расположенный в парке выше по склону. Он тоже был мужским, но там жили младшие ребята. Там же размещались кабинеты врачей и палаты для ребят, нуждавшихся в лечении.

Если в Верхнем лагере жили в каменном доме, кажется с колоннами и балконами, то в Нижнем лагере мы жили в больших, кажется в 30-местных, палатках. Там стояли рядами кровати и тумбочки (одна на двоих). Стен у палаток не было. Над кроватями был натянут брезент, закрепленный на нескольких столбах. Таким образом, мы 40 дней спали на улице. Если ожидалось похолодание или дождь, то нам выдавали брезентовые стены, которые мы сами закрепляли. Через пару дней, после улучшения погоды, мы стены снимали. Палаток таких стояло 6 штук, и в лагере было соответственно 6 отрядов. Вожатые жили рядом в небольших деревянных одноэтажных домиках, то есть мы жили в палатках одни. Кажется, сейчас таких палаток уже нет, но, может быть, я ошибаюсь. Умывались на улице.

Девочки жили от нас далеко, в Су-Уксу. По существовавшей тогда легенде (а может быть, это так и было), дворец в Су-Уксу был Государственной дачей, где отдыхали руководители страны и партии. Как-то, отдохавший там Вячеслав Михайлович Молотов, нарком, а позже министр иностранных дел времен Сталина, приехал в Артек, и пионеры попросили отдать этот дворец Артеку. Была даже артековская песня "У Артека на носу приютился Су-Уксу". Ее спели Молотову, а он расчувствовался и подарил Артеку дворец и парк, его окружающий. (Любая Государственная дача когда-то была закрытым для окружающих объектом. Не только зайти туда постороннему было нельзя, но нельзя было даже заглянуть туда через забор. Когда-то позже я отдыхал в Крыму в Кореизе, недалеко от которого в Мисхоре была такая дача (дворец, где как-то отдыхал Сталин). Сверху, с шоссе, можно было рассмотреть этот дворец, но стояла в этом месте охрана и не разрешала останавливаться прохожим. А еще около Кореиза, на берегу моря был Юсуповский дворец, тоже Госдача, так я видел, как на большом пляже лежало 2-3 человека, а около них гулял охранник с автоматом. Такие дачи есть и сейчас. Вспомним дачу на мысе Форос, где был задержан охраной президент М.С. Горбачев).

В память об этом подарке, лагерь долго носил имя В.М. Молотова. О нем тоже пели в песне

*И помнит каждый час
Любимый Молотов о нас.
Как много сделал*

*Этот человек,
Мы во дворцах живем,
И мы всегда поем:*

Артек, Артек.

После того, как мы уже стали пионерами Нижнего лагеря, то стали в припеве скандировать:

Артек – Нижний лагерь, Артек – Нижний лагерь.

Но прежде, чем разместиться в палатках, нас отвели в местную баню – принять душ и переодеться в лагерную форму. А тех, которые дома не сняли с головы волосы, тут же постригли. Это было, очевидно, связано с тем, что ребята приезжали из разных мест. Некоторые могли быть неухоженными, и врачи боялись, что они завезут в лагерь вшей. Надо помнить, что только недавно кончилась война, много было ребят из детских домов с бывших оккупированных немцами территорий, а там не всегда была необходимая чистота, и поддерживался порядок. Проще был по приезде всех постричь, помыть и переодеть.

Нам выдали трусы, майку и панамку. Такую одежду мы носили постоянно. В дальнейшем нас периодически водили в душ, и выдавали чистую пару белья. Панамка имела поля, которые утром отгибали вниз, чтобы солнце не попадало в глаза, а после мертвого часа, когда солнце поднималось высоко, то отгибали вверх (естественно, что все делалось по команде, и не опустить поля утром было нельзя). На майку (на голую шею) пионерский галстук не надевали. Галстук, кажется, был свой.

В процессе переодевания регулярно возникали конфликты. Дело в том, что белье было чистое, но не новое, зашитое, иногда у трусов была порвана резинка. Надо было поменять трусы на целые, что не составляло труда (в процессе обмена его выбирали из кучи). Но некоторые привезли из дома свое добротное белье и хотели носить его, что строго запрещалось. Те, которые соблюли правило – не привозить своей одежды, довольствовались тем, что было. У нас в отряде как-то конфликт зашел так далеко, что одному пионеру хотели объявить бойкот.

Был в отряде высокого роста широкоплечий мальчик, который приехал из Германии, где его отец, кажется генерал, служил в советских оккупационных войсках. Возможно, там его родителей не предупредили об ограничениях в одежде, и у него были добротные трусы и майки. Как-то после бани он не смог подобрать себе трусы и надел свои. Это увидели ребята, которые приехали из детских домов, и из мест, которые были временно захвачены немцами. Многие из них, может быть, никогда и не имели добротного белья. Они потребовали, чтобы он переделся в казенную одежду, а он отказался. Вот после этого тут же было проведено собрание пионеров отряда, где его обвинили в противопоставлении себя коллективу, заносчивости, и что его поведение не соответствует пионерским традициям. Такой пафос совсем не странен, так как среди ребят в отряде было много председателей и членов советов дружин, у которых язык был неплохо подвешен. Сначала, мальчик отказался переодеваться, но потом на него надавили, пригрозили бойкотом, и он пошел менять трусы.

В дни бани и переодевания можно было взять свой чемодан, чтобы достать чистые носки и платок (с платком были трудности, так как в трусах кармана не было, и носить при себе его было практически невозможно). В это время случались иногда кражи. Пропадали носки и обувь. Не помню, чтобы были официальные поиски и разборки.

Кроме повседневной одежды, постепенно у нас оказалось еще два костюма. Один мы носили в прохладную погоду и во время походов. Он состоял из рубашки с рукавами, которые мы обычно закатывали (все по команде) и длинных брюк-шаровар с резинками у щиколоток и на поясе. Брюки были темные, не то серые, не то темно-зеленые. Рубашка тоже не светлая. Рубашку носили с пионерским галстуком. К этой одежде, когда было совсем холодно, дополнительно выдали теплые бушлаты, которые стали предметом нашей гордости. Это были черные шерстяные куртки с золотыми морскими пуговицами. Носили эту одежду все с той же панамой. Второй костюм был парадным. Он состоял из белых длинных брюк, белой рубашки с голубым морским воротником и бескозырки с лентами. Вместо тельняшки в разрезе рубашки на груди просвечивал белый клапан на пуговке. Естественно, что под воротник тоже надевался галстук. По тем временам у нас был роскошный гардероб, который имел дома не каждый пионер.

До поездки в Артек я уже бывал в пионерских лагерях, хороших и плохих, поэтому организация жизни в лагере была мне не в новинку. Я к этому времени уже видел море и купался в нем. У моей тети в Одессе была дача близко от моря, и наша семья часто проводила там лето. Кстати, после моего возвращения домой, мы поехали в Одессу. Так что и вид моря меня не мог удивить. Меня поразила природа Крыма. Яркие весенние субтропики цвели и благоухали. Аллеи артековского парка окружали пирамиды кипарисов. Цвели ранние розы, а потом громадные гортензии, олеандры. Лавровые листья были на ветках кустов, а не в супе. Кусты самшита были подстрижены то в виде стенки, то в виде шаров. Среди этой красоты можно было бродить, нюхать и любоваться.

Наш день начинался с подъема, о котором возвещал горн, и все бежали на зарядку, которая проводилась на костровой площади (кажется, так ее называли; там проходили торжественные мероприятия, спевки; там были деревянные трибуны для зрителей). Зарядка была самая простая, но она воспевалась в запомнившейся мне песне:

*С восходом солнца горнист дает побудку,
Зовет ребят он: "Друзья, скорей вставай!
Скорей вставай, не просыпай
И по порядку на зарядку выбегай!"*

*А кто не хочет зарядкой заниматься,
И кто не хочет согнать с себя всю лень,
Поверь с утра, прогнав всю лень,
Зарядка нам дает закалку на весь день.*

После зарядки и туалета надо было застелить кровать. Это был особый ритуал. Мало того, что одеяло должно было быть натянуто гладко без складок, а подушка стоять на ребре и ровно, в ногах должен был ровненько на одеяло завернут пододеяльник. Он должен был создавать белую полосу одинаковой ширины на всех кроватях. Вожатый или дежурный становился около первой кровати и проверял, чтобы простыни у всех выступали на одну ширину. Кто нарушал ряд, стелил кровать заново. Но такой порядок был и в некоторых других лагерях.

Потом была линейка и подъем флага. Как я уже писал, это происходило в самом романтическом месте в лагере. Иногда, не только со всех сторон, но и из-под ног, сквозь щели между досками, до нас долетали морские брызги.

Потом был завтрак. Как я не старался, я не смог ничего вспомнить о том, как в

лагере кормили. Думаю, что это хороший показатель. Не было голодно, и не было противно. За год до этого я был в одном лагере, где просто не хватало еды. Там кушали на веранде, где торцом к ограждению стояли длинные деревянные столы. Дежурные приносили подносы с алюминиевыми тазиками и их передавали их из рук в руки в дальний конец стола (точнее их ставил на край стола и толкали, а они сами скользили вдоль стола к дальнему концу). По дороге первую тарелку надо было перехватить и спрятать на коленях, а вторую оставить перед собой. После первой съедали вторую порцию. Конечно, была среди мальчишек иерархия, сначала брали вторую порцию ребята в авторитете, а потом и остальные, кому досталось. С этим боролись, поэтому вторую порцию удавалось затаить не всегда. Конечно, это была игра, но очень нужная для достижения сытости.

После завтрака и до обеда были посещения врачей, купанье в море, занятия в кружках или иногда экскурсии.

Так как лагерь был санаторным, то по приезде нас осмотрели врачи: замеры и взвесили, а некоторым приписали какие-то медицинские процедуры. Я полоскал горло или зубы, точно не помню, а нам ничего не объясняли. Когда мы возвращались домой, и нам вернули путевки, то страница, которая должна была быть заполнена врачом, осталась пустой (это я увидел теперь, а тогда нас это не волновало). Интересно было другое, что врачи размещались в Верхнем лагере, и попасть туда надо было по тропе, поднимающейся в гору. Нам один раз показали дорогу, а потом мы ходили сами. Идешь, а кругом какие-то дикие травы и кустарник, и все это не как у нас в средней полосе, а что-то такое сухое и очень субтропическое.

Южное побережье Крыма привлекательно морскими купаниями. Отправляясь в Артек, я надеялся научиться плавать. Мне казалось, что в пионерском лагере на морском побережье все должны уметь хорошо плавать. Поплывать не пришлось. Так как мы приехали 20 мая, то считалось, что море холодное и купаться еще нельзя. Потом пригрело солнце, и нас вывели на пляж. Все сняли трусы и майки и, оставшись в одних панамках, легли рядами вдоль воды. Лагерь был мужской, и наша нагота никого не должна была смущать. По команде мы переворачивались с живота на спину. Картинка из известного фильма "Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен". Еще через несколько дней, когда вода немного подогрелась, нам велели войти в воду по щиколотку, набирать ее горстями и обмывать себе ноги и грудь. И только. А еще позже, нам разрешили войти в воду по шею. О том, чтобы учить нас плавать, никто не заикался. Можно было плескаться в воде, не заходя глубже ограждения. Потом опять лежали на берегу и сохли, переворачиваясь по команде. И так до конца отдыха в жарком июне.

Всем предложили записаться в кружки. Какие были еще кружки, я не помню, но я записался в кружок фотографический. Нас было всего несколько человек (может быть, ребята из других отрядов занимались в другое время, а мы занимались не ежедневно). Мы собирались на садовой аллее среди кустов роз, на скамейках и слушали лекцию. Нам раздали тетрадки, чтобы записывать и зарисовывать оптические схемы. Я пошел в этот кружок, так как у отца был фотоаппарат, и я хотел научиться сознательно им пользоваться. Лекции были мне интересны, так как я впервые понял, как устроен объектив, что такое фокусное расстояние объектива, диафрагма и прочие интересные вещи. У преподавателя был большой пластиночный аппарат "Фото-

кор". Этот аппарат снимал не на фоточувствительную пленку, а на стеклянные пластинки, покрытые светочувствительным составом. Хотя нам обещали попозже, когда мы изучим теорию, дать попользоваться настоящим фотоаппаратом, такой момент не наступил. Мы остановились на теории. Но, несмотря на это, в конце пребывания в лагере я получил удостоверение о том, что я закончил курс фотокружка с присвоением специальности пионера-фотографа. Ограничить учебу теорией – это характерная черта советского образования.

Самое интересное – экскурсии. Экскурсии были пешеходные, морские и автобусные.

Помню две пешеходные экскурсии-похода. Во время одной мы поднялись на Аю-Даг, а потом спустились на его южную оконечность к морю. Шли по каким-то неухоженным тропам, а спускались к морю по довольно отвесному камнепаду. Всем велели подобрать себе палки, чтобы опираться на них во время ходьбы. Не помню, каким образом, но я уронил свою палку во время спуска, и она скатилась со склона, вызвав небольшой поток падающих камней. Камни ни в кого не попали. Все кончилось благополучно. Наблюдать, завершающий территорию Артека Аю-Даг, было постоянно интересно. По нему мы предсказывали погоду. Помню, как в солнечный день плотная масса облаков переползла через гору, спустилась к подножью, и у нас полил сильный дождь. Второй поход был вдоль берега моря, мимо Су-Уксу, в Гурзуф, а может быть даже до Никитского ботанического сада. Запомнилось, как мы шли через виноградники, принадлежавшие Массандре. Это были большие плантации, встречались на границах участков столбики с названиями сортов. Стояла поздняя весна – раннее лето, и лакомиться было нечем, но было очень интересно.

Морские экскурсии на катерах артековской флотилии были вдоль артековского побережья. Это были скорее морские прогулки. Мы плавали вокруг Одолларов, а однажды нас отвезли во Фрунзенское, где на пляже можно было поиграть в мяч, окунуться в воду и посидеть на большом округлом камне – медвежонке, лежащем около морды горы-медведя.

Автобусные экскурсии были в Ялту, Ботанический сад и Гурзуф. В Ялте мы были в Доме-музее А.П. Чехова, и провела нас по дому его сестра, которая тогда была еще жива и жила при музее. В Гурзуфе мы прошли по местам, связанным с Пушкиным. Посмотрели на грот и пушкинский кипарис. В бывшем доме героя Отечественной войны 1812 года генерала Раевского, в семье которого жил Пушкин, находился военный санаторий, и нам сказали, что нас пустили туда только из уважения к Артеку. В Никитском саду нам показали различные деревья, но запомнить хоть что-нибудь было трудно, да и в парке Артека мы постоянно видели прекрасную коллекцию деревьев. Там нам как-то тоже рассказали, какие деревья как выглядят. По крайней мере, я уже мог отличать кипарис от платана и куст лавра от самшита или олеандра. Во время поездки в Ялту нас завезли посмотреть водопад Учан-Су. Так как еще была весна, и недавно прошли дожди, то это был живописный водяной поток, падающий с высокого обрыва. Говорят, что высота водопада достигает высоты 100 метров.

Иногда были внеочередные мероприятия. Как-то, когда мы только приехали, нам сказали, что ожидаются заморозки, и надо собирать мох, чтобы укрыть какие-то молодые посадки. Нас повели куда-то вверх по горной тропе, там оказалось много

лежащих на солнце камней, покрытых толстым и плотным зеленым мхом. Мох большими пластами легко отделялся от камней, и эти лоскуты мха надо было складывать в какие-то корзины. Было интересно самостоятельно ходить по склону, что-то рвать, таскать. Никто нами не командовал. Участия в укрытии растений мы не принимали, но нам назавтра сказали, что мы всех спасли и объявили благодарность. Больше таких подвигов совершать не приходилось.

Еще надо было убирать территорию лагеря. Нам был выделен участок, но не было достаточного количества инвентаря. Поэтому обычно надо было упавший листочек, пихать найденной случайно сухой веткой. Окурков не могло быть по определению. Пыль стояла страшная. Это мероприятие обычно проводилось после сна и полдника.

От уборочных работ, а и иногда от дневного сна, можно было освободиться, занимаясь общественной работой. Ежегодно в пионерских лагерях у меня было постоянное амплуа. Меня выбирали (назначали) в редколлегию, где я писал все заметки в отрядную стенную газету, и меня за это уважали. Особо интересной была ситуация в Артеке. У нас был отрядный дневник, где надо было описывать значительные вехи нашей лагерной жизни – экскурсии, соревнования и тому подобные события. Я писал, а один мальчик рисовал. Как-то ко мне подошел вожатый и спросил меня, не буду ли я возражать, если мои заметки подпишут в дневнике фамилиями других ребят, чтобы создалось впечатление массового участия в его создании. Я не возражал и получил потом артековскую грамоту-благодарность за активное участие в пионерской работе отряда. Это было мое первое приобщение к системной показухе и надувательству. Это запомнилось, и в дальнейшем я никогда не возражал, если к статье приписывалось имя начальника или подчиненного (так как всем нужны были научные публикации). Интересно, что когда кончалась смена, была выставка пионерских достижений, и там надо было выставить отрядный дневник. Наш вожатый все старался так его положить, чтобы он не попал на глаза пионерам отряда, и не были обнаружены приписки. Вот так всегда, или угадать начальству и не попасться с личным.

В моем архиве сохранились и удостоверение пионера-фотографа, и благодарность за участие в пионерской работе. Если удостоверение выписано на отпечатанном в типографии бланке с полным наименованием Артека и изображением ордена Трудового Красного знамени, то благодарность написана на странной бумажке. С одной стороны на пишущей машинке напечатан через копировальную бумагу во многих экземплярах текст, куда вписана фамилия и сформулирован повод за, который выдана благодарность, а на другой стороне типографски отпечатаны виды лагеря и его окрестностей. Создается впечатление, что главная сторона – это картинки, а не текст. Но текст заверен гербовой печатью.

Спортом занимались тоже после полдника. Желающие играли в волейбол. Не помню ни секций, ни тренировок. Только дважды спортивное мероприятие было обязательным. Первый раз была лагерная олимпиада. Все пионеры должны были пробежать, кажется, 60 метров, прыгнуть в длину и метнуть гранату. Результаты не волновали, так как были известны спортсмены-разрядники, которые должны были перейти из отрядного этапа соревнований на уровень лагеря. Здесь мы, в частности я, просто отбывал повинность, мои низкие результаты никого не интересовали. Вто-

рой раз был связан с каким-то лагерным праздником, к которому мы долго и тщательно готовились. Наш отряд должен был показать массовое сражение на шпагах. Вполне серьезно нам раздали спортивные шпаги и настоящие сетчатые маски, и начали показывать простейшие приемы боя. Скоро постановщики зрелища убедились, что изобразить бой не удастся, то упростили нам задачу. На масках наверху закрепили бумажные плюмажи, которые во время упражнений с рапирой надо было у противника сбить. В конце-концов что-то отрепетировали и показали публике. Было интересно подержать рапиру, встать в какую-то классическую позу, сделать выпад. Это осталось в памяти, так как больше такого случая не представилось.

На костровой площади под вечер собирались петь артековские песни. Никаких встреч с зарубежными пионерами или делегациями не было. Был в нашем лагере один мальчик из Китая, сын какого-то коммунистического военачальника. Когда армия Мао Цзедун освободила от войск гоминдана какой-то город, этого мальчика приветствовали на утренней линейке. Больше никаких международных акций при мне в лагере не было.

Странно, но как ни старался, не смог вспомнить лагерную библиотеку или читальню. Был какой-то домик в дальнем углу территории, но он помнится отдельно, а отсутствие книг – отдельно. Негде было присесть, чтобы почитать, или написать письмо. В палатке – нельзя, а то вдруг помнешь натянутое одеяло на кровати. В других лагерях мы играли в то, что потом стало называться "Зарницей", ставили своими силами спектакли, а здесь не было ничего.

Когда я поехал в Артек, то я уже прочел повести А. Гайдара "Военная тайна" и Е. Ильиной "Четвертая высота". Мне была знакома литературная романтика этих мест. Однако ничего подобного в реальной жизни я не увидел. Но тем ни менее, сочетание крымской природы, круглосуточного пребывания в окружении морского воздуха, ощущение морского бушлата оставили в памяти очень приятное ощущение. Таким образом, я уже 60 лет ощущаю себя артековцем. Никого из пионеров того заезда, я потом не встречал.

© Гинзбург В.М.
E-mail: vmg@ginzburgi.ru
www.ginzburgi.ru